

УДК 94 (47)

Дискуссии о семье и браке в послереволюционной России

Л.Ю. Анисимова

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 82, Красноярск, Россия
severyanova@mail.ru

Статья поступила 13.02.2017, принята 10.03.2017

1917-й год стал поворотной точкой в мировой и российской истории. Перемены, которые произошли в России, коснулись общества в целом и каждого человека в отдельности. Началось отторжение старых и поиск новых норм общежития как в теории, так и на практике. В послереволюционный период проходили дискуссии о семье и браке, так называемой «свободной любви», морали и нравственности, о быте. С 1920-х гг. и по сей день эти дискуссии являются предметом изучения отечественной и зарубежной историографии. В данной статье дается выборочный анализ историографических работ по отдельным темам дискуссии.

Ключевые слова: социальная и сексуальная революции; половой вопрос; семья; «свободная любовь»; коммунальный быт; историография.

Discussions on the family and marriage in post-revolutionary Russia

L.Yu. Anisimova

Siberian Federal University; 79, Svobodny per., Krasnoyarsk, Russia
severyanova@mail.ru

Received 13.02.2017, accepted 10.03.2017

The year 1917 became a turning point in world and Russian history. The changes, which happened in Russia, affected not only the whole society, but also each person. The old social conventions were rejected and search for the new ones started both in the theory and practice. During the post-revolutionary period there were the discussions on the family and marriage, so-called "free love", morals and morality, and mode of life. The discussions have represented a subject matter in Russian and foreign historiography since the 1920s to the present day. The article gives a selective analysis of historiographic works on separate subjects of the discussion.

Key words: social and sexual revolution; sex problem; family; "free love"; communal life; historiography.

Известно, что выражение «половой вопрос» бытовало в российском обществе еще до революции, с конца 70-х гг. XIX в. К исходу века сексуальное желание и последствия его выражения (или отказа) стали центральной темой в русской литературе, отраженной в наиболее известном антиэгалитарном произ-

ведении Л.Н. Толстого «Крейцера соната» (1891).

На рубеже веков стал изучаться широкий круг вопросов, относящихся к сексуальному поведению, в частности, отношение к семье и браку, мотивация сексуальных отношений, особенно в среде студенческой молодежи Петербурга и Москвы.

Однако до Октября 1917 г. российская семья представляла собой традиционный патриархальный тип семейной организации, отличалась авторитарной структурой, полным подчинением жены мужу, послушанием детей родителям, основывалась на обычном христианском и государственном праве, которое, за редким исключением, не признавало бракоразводный процесс. Преимущественно в крестьянской России семья и ее трудовое хозяйство функционировали одновременно как основная единица биологического воспроизводства и как единица крестьянской собственности, производства и потребления [1].

С декабря 1917 г. начался процесс изменения юридических, экономических, культурных и нравственно-психологических основ семьи. Коммунистическая власть произвела впервые в мире своего рода революцию в области законодательства о браке и семье, приняв декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (18 декабря 1917 г.), «О расторжении брака» (29 декабря 1917 г.), «О внебрачных детях» (20 декабря 1917 г.) и декриминализовав аборт (совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста «Об охране здоровья женщин» от 18 ноября 1920 г.). (Например, в Италии и во Франции женщины получили равноправие с мужчинами только в 1975 г. — Л.А.).

Вышеназванные декреты, а также и построенный всецело на их основе «Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве» (1918 г.) определили основную позицию Советской власти в области брачного и семейного права вплоть до вступления с 1 января 1927 г. «Кодекса законов о браке, семье и опеке».

Революционные декреты и кодексы в сфере семейно-брачных отношений, начиная с 20-х гг. XX в. и по сей день, вызвали многочисленные дискуссии о морально-половой этике коммунистов, комсомольцев, студенческой молодежи, о гендерных отношениях. Было проведено более 30 массовых социологических опросов, преимущественно среди молодежи, в городах и селах. Проблема взаимоотношения полов нашла отражение в литературе, широко освещалась в

периодической печати, брошюрах об эволюции человека, браках и разводах, личной гигиене, половой морали членов нового общества. Было положено начало распаду многих традиционных социальных структур, девальвации прежней системы ценностей, нравственной дезориентации общества, появлению новой социальной практики, включая экспериментирование в области взаимоотношений между полами, членами семьи, что в целом привело к активному поиску новых жизненных практик. В результате по сей день они являются объектом и предметом научных дискуссий о сексуальной культурной повседневности россиян в 20-е гг. XX в., порой взаимоисключающих оценок тех или иных явлений, событий и фактов. Однако при этом, и в связи с непрекращающейся девальвацией традиционных гендерных отношений (однополые браки, феминизм и т. п.), интерес научной общественности к данной проблеме не ослабевает, а, наоборот, усиливается.

Литературу, посвященную гендерным отношениям послереволюционной России 20-х гг. XX в., исходя из тематической и методологической направленности, традиционно принято условно разделять на два крупных этапа, первый — 20-е — конец 80-х гг. XX в.; второй — конец 80-х гг. XX в. — по сей день. В первом этапе можно выделить три подпериода: 20-е гг. XX в.; конец 20-х — конец 50-х гг. XX в.; конец 50-х — конец 80-х гг. XX в. Традиционно принято считать, что на первом этапе в отечественной историографии семьи методологической основой был исторический материализм. Думается, что это не совсем точно — его начало следует отнести ко второму подпериоду. Для первого подпериода первого этапа более характерны цивилизационная (традиционность, модернизация) и биологизаторская (психопатология, форма «оголения» нравов, которая наступает, как правило, после войны, революции и голода) методологии. В 20-е гг. XX в. часть россиян были верующими. Следовательно, их представления о морали, нравственности, этике поведения во многом базировались на религиозных канонах, оставивших глубокий след в традициях, определивших особенности семейного и репродуктивного поведения населения, для которого

были свойственны ранняя и всеобщая брачность, стремление к многодетности.

В противовес теологической антропологии о божественном происхождении семьи, единобрачии как единственно возможной и неизменной форме семейных отношений правящая власть поставила и решала задачу их преобразования путем ликвидации частной собственности, освобождения женщины от подневольного положения в семье и обществе через ее вовлечение в сферу общественного труда, развитие общественного воспитания детей, бытового обслуживания и социального обеспечения населения. Отношения между полами в будущем связывались с единобрачием, моногамией, которая из формы угнетения должна была стать свободным союзом, основанным на взаимной любви. Марксистско-ленинская методология опровергла теологическую антропологию о божественном происхождении семьи и связала ее существование на всем протяжении истории со способом производства. Согласно марксистской концепции, зависимое положение женщины стало возможным, прежде всего, в рамках индивидуальной семьи. В свою очередь, это стало осуществимым лишь тогда, когда возникла частная собственность, а семья превратилась в частнособственническую хозяйственную единицу.

В 20-е гг. XX в. российские неомарксисты, находящиеся у власти, рассматривали семью не как социальный институт, а как частнособственническую единицу, враждебную господствующему классу, как буржуазный пережиток. Поэтому целенаправленно велась политика по «раскрепощению» женщин от семейных уз. Крестьянские дворы (семьи) по экономическому (имущественному) фактору совершенно произвольно, по воле властвующих, были отнесены либо к пролетарским (беднота), либо к полупролетарским (середняки), либо к мелкобуржуазным (кулаки) социальным классам, что автоматически предопределяло их перспективы, образ жизни, хозяйственно-бытовые и семейно-брачные отношения.

Дискуссия в 1926 г. в связи с принятием «Кодекса о семье и браке», введенного в СССР с 1 января 1927 г., высветила общую характерную антисемейную сущность феминизма под прикрытием «освободитель-

ных» лозунгов движения женщин за «равенство полов». На десятилетия стала господствующей точкой зрения о необходимости трансформации семьи в интересах государства, но не о ликвидации семьи как общественного института. Это был гендерный феминизм. Последователи К. Маркса и Ф. Энгельса в РСФСР и СССР применили к семье их идею о том, что историческое развитие главным образом определяется классовыми противоречиями, где пол является критерием разделения на классы, а основные классовые конфликты возникают на половой основе. При этом провозглашалась не только биологическая, но и социально-политическая идентичность мужчин и женщин, однако утверждалось, что их политические интересы находились в постоянном конфликте. Политические интересы мужчин обозначались как «патриархат», под которым понималось системное и структурное «угнетение» женщин в сферах политики и культуры. Можно согласиться с выводом американского исследователя Ч. Томаса Филиппса в том, что «тезис о социализации домашнего труда и общественного воспитания детей сближает марксизм с материальными и культурными феминистками. Их роднит равнодушие к судьбе семьи как социального института» [3].

На первом этапе историографии каждый из подпериодов отличался интенсивностью изучения вопроса, широтой постановки проблем, глубиной их проработки, степенью влияния политиков на самостоятельный поиск исследователей. Характерным для историографии первого этапа было резко негативное отношение к так называемой «буржуазной семье» и относительно слабая проработка вопроса, какой должна быть семья в будущем. Поиск в этом направлении особенно интенсивно велся в 20-х гг. XX в. Эти годы характеризовались появлением книг, брошюр, статей, написанных женщинами, стоявшими у истоков организации женского движения в РСФСР, позже в СССР. Заведующими женотделами ЦК РКП(б) (с 1925 г. ВКП(б)) были поочередно И.Ф. Арманд (1919–1920 гг.), А.М. Коллонтай (1920–1921 гг.), С.Н. Смидович (1922–1924 гг.), К.И. Николаева (1924–1925 гг.), А.В. Артюхина (1925–1930 гг.).

В разные годы в дискуссиях о гендерных и семейных взаимоотношениях, вопросах воспитания детей участвовали В.И. Ленин, П. Виноградская, А.Б. Залкинд, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, Ю. Ларин, Е.А. Преображенский, С.Н. Смидович, Л.А. Сольц, Л.Д. Троцкий, К. Цеткин, Я.М. Ярославский и др. [4].

Содержание дискуссий определили И.Ф. Арманд и особенно А.М. Коллонтай, ранее бросившие своих детей и семьи ради революционной деятельности и имевшие беспорядочные половые связи [5]. Так, например, А.М. Коллонтай в тезисах о коммунистической морали отмечала, что выделение брачной пары в обособленную ячейку не отвечает интересам коммунистов. «Семья отмирает, она не нужна ни государству, ни людям, — писала она. — На месте эгоистической замкнутой семейной ячейки вырастет большая всемирная трудовая семья, где все трудящиеся, мужчины и женщины, станут прежде всего братьями и товарищами... Именно эта форма гарантирует человечеству расцвет радостей свободной любви, овеянной чувством истинного равенства и товарищества» [6]. (Взгляды А.М. Коллонтай были противоречивы. Иногда она высказывалась против половых отношений без любви. — Л.А.). Но большую известность получила ее (в соавторстве с И. Арманд) теория «свободной любви», оправдывающая распушенность.

В 20-е гг. XX в. и сегодня в отечественной и зарубежной историографии пытаются объяснить причины и поводы для дискуссий о гендерных отношениях в будущем коммунистическом обществе. По этому вопросу по сей день существует разногласия.

В чем было отличие сексуальной революции 20-х гг. XX в. от сексуального вопроса, обсуждавшегося в XIX в.? «Половой вопрос», как он формировался в XIX в., был прежде всего женским вопросом, в центре которого стояла проблема эмансипации и социального равноправия женщин в семье и общественной жизни. Однако он был также и вопросом сексуальным. Если раньше сексуальность обсуждалась преимущественно в религиозно-нравственных (греховное или нравственное поведение) и отчасти в эстетических (прекрасное или безобразное) терминах, то в 20-е гг. XX в. рядом с ними возникло множество

других, отчетливо социальных контекстов: сексуальность и способы регулирования рождаемости, сексуальность и брак, сексуальность и бедность, сексуальность и преступность, сексуальность и охрана общественного здоровья, сексуальность и коммерция, сексуальность и воспитание детей [7].

Зарубежных исследователей по их отношению к сексуальной революции в Советской России можно условно разделить на сочувствующих и консерваторов. Так, например, В.Ф. Калвертон писал: «В Советской России впервые в истории современного мира было преодолено неравенство между полами. Новые законы положили конец двойной буржуазной морали, которая разрушила эмоциональную составляющую. Любовь и сексуальная жизнь были освобождены от суеверий и молчания, брак был освобожден от религиозных обрядов, развод стал доступным для всех. В результате нравственность освобождена от стереотипных насильственных конвенций. Любовь и сексуальная жизнь рассматриваются в Советской России как частная привилегия человека, а не дело государства. В этих изменениях проявляются первые шаги в направлении новой этики» (т. е. этической доктрины марксизма) [8]. Для Халле Фанина и В.Ф. Калвертона легализация абортов была наиболее «значимым и интеллигентным» достижением современной морали [9]. Моурис Хиндус считал возможность развода «одной из величайших революций веков» [10]. В России «налицо самое правильное и здоровое разрешение полового вопроса» [11]. Словом, те, кто сочувствовал сексуальной революции в Советской России, рассматривали страну как самую сексуально свободную в мире.

Западные консерваторы встретили попытки реформировать семью с гневом и тревогой. Генетический страх Запада перед советской социальной политикой в 20-е гг. XX в. объяснялся даже не военной угрозой, а реформами института семьи и брака. Как и в Советской России, на Западе для «правых» и «левых» отправной точкой был вопрос о положении женщин. Ирония заключалась в том, что те и другие приводили одни и те же доводы в споре, каким образом защитить женщин, чтобы к ним не относились как к собственности. Если для «левых» ответ за-

ключался в освобождении от патриархальной системы, то для «правых» это значило защищать женщин от отношения к ним как к «национализированному» ресурсу государства с целью удовлетворения мужчин. По их мнению, в «Кодексе законов об актах гражданского состояния...» (1918 г.) под эмансипацией подразумевалось не что иное, как то, что женщины стали «общественной собственностью для всех граждан большевистского государства». Семейный кодекс (1918 г.) сделал «свободную любовь» официальной доктриной. Западные обозреватели увидели в этом угрозу общественной морали. «Что свободная любовь сделала для России?» — спрашивал Royal Baker в работе *The Menace* («Угроза большевизма», 1919 г.). Каждая женщина могла стать легализованной проституткой. «Женщина, — писал он, — которая для вас сегодня жена, завтра может стать женой другого мужчины» [12]. Самуэль Саломон считал большевиков «политическими мошенниками», которые распространяли «порочную пропаганду». Их «сатанинские величества» Ленин и Троцкий обманули все население, обещая рай земной, в то время как они создавали земной ад [13]. Часть государственных деятелей и исследователей причину дискуссий увязывали с личными качествами А.М. Коллонтай и И.Ф. Арманд. Так, например, Е.А. Преображенский считал, что касаясь вопроса о браке, многие рекомендуют «коммунистическому обществу свои личные вкусы и выдают свои личные симпатии за объективную необходимость». Он писал: «До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе, скорее, обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ... Кто, по своим склонностям, предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и "половой коммунизм" за естественную форму брака в будущем обществе, причем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают, как "протест на

деле" против мещанской семейной морали настоящего» [14].

Более резко отрицательную оценку А.М. Коллонтай дал Питирим Сорокин: «Что касается этой женщины, то очевидно, что ее революционный энтузиазм — ничто иное, как удовлетворение ее сексуального сатириза. Несмотря на ее многочисленных "мужей", Коллонтай — вначале жена генерала, затем любовница дюжины мужчин — все еще не пресыщена. Она ищет новые формы сексуального садизма. Я хотел бы, чтобы она могла быть наблюдаема Фрейдом и другими психиатрами. Это был бы для них редкий объект» [15].

Стандартные представления об А.М. Коллонтай, о ее «пионерстве» в предполагаемой распущенности в 1920-е гг. в Советской России опроверг Р. Стайтс. Следует отметить то, что тезис о неизбежном отмирании семьи при коммунизме и передачи ее хозяйственной и воспитательной функций обществу обосновывался в «Манифесте Коммунистической партии», в работах Ф. Энгельса «Принципы коммунизма», А. Бебеля «Женщина и социализм». Аналогичная теория сохранилась в прокламации «Молодая Россия» (1862 г.) под авторством П.Г. Заичневского.

Сексуальные вопросы особенно активно обсуждались советской молодежью спустя 3 года после революции. Тем не менее, можно согласиться с социологами А.И. Антоновым и В.М. Медковым в том, что «социологии семьи предстоит еще подробно проанализировать первые декреты Советской власти... В общем контексте политических и социально-экономических отношений следует также оценить государственное поощрение фактического брака и многочисленные последствия этого» [16].

Очередной всплеск дискуссии по семейно-брачным отношениям пришелся на 1926–1928 гг. и был вызван выходом книг П. Романова «Без черемухи» (1926), С. Малашкина «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» (1927), Л. Гумилевского «Собачий переулочек» (1926) и Кодекса о семье и браке (1926 г.), в котором сожителство трактовалось как фактический брак. В целом дискуссия в эти годы не внесла ничего нового и постепенно начала затухать. К концу 20-х гг. XX в. на первый план вышли дискуссии

по социально-этическим и семейно-бытовым вопросам. Здесь, так же как и по проблемам семейных отношений, сталкивались мнения умеренных коммунистов и сторонников так называемого «казарменного коммунизма» и «сверхколлективизма» [1, с. 16]. В эти годы активно пропагандировалась и частично внедрялась в жизнь псевдореволюционная концепция немедленного, в течение нескольких лет, обобществления быта, исключавшего домашнее хозяйство, индивидуальную семью, отдельное проживание семей как в городе, так и в деревне. Предполагалось, что коллективизация быта приведет к исчезновению рабства женщины и детей, распущенности. Более того, архитекторы Н.А. Кузьмин, И.С. Николаев, И.С. Мельников, исследователь Л.М. Сабсович и другие попытались реализовать один из постулатов социалистической утопии Ш. Фурье о создании фаланстеров — домов-коммун [1, с. 16]. Так, архитектор Н.А. Кузьмин в проекте дома-коммуны разложил жизнь людей до мельчайших подробностей. Для разных возрастных групп им были предусмотрены отдельные помещения: старики и старухи живут отдельно, взрослые холостые, женатые — тоже. Дети объединены по возрастам и живут в разных помещениях. Спят люди в спальнях ячейках группами по шесть человек — отдельно мужчины и женщины. Жизнь обитателей коммуны нормировалась до минут: ложиться спать в 22 часа, сон — 8 часов, гимнастика — 5 минут, умывание — 10 минут, одевание — 5 минут, путь в столовую — 3 минуты и т. д. Предполагалось убрать из семьи функции обслуживания, создав общественную систему удовлетворения бытовых нужд, в которую входили бы фабрики-кухни, столовые, прачечные, бани и т. п. Концепция новых поселений включала и решение вопроса о воспитании детей. Дети переставали быть собственностью родителей (идеи Т. Кампанеллы), они становились собственностью государства. Отметим, что вопрос о создании фаланстеров для рабочей молодежи рассматривался на III съезде РКСМ (октябрь 1920 г.), на IV съезде РКСМ (сентябрь 1921 г.) и был решен положительно [1, с. 19]. Концепция обобществления быта вырабатывалась и в связи с составлением первого пятилетнего плана развития

народного хозяйства СССР. В 1929 г. против подобных утопичных проектов перестройки городов и всего образа жизни населения выступила Н.К. Крупская.

Реализация идеи обобществления быта в городах Сибири, попытки строительства городов-коммун, домов-коммун прекрасно изложены в монографии В.И. Исаева, крестьян в коммунах — В.В. Гришаевым [1, с. 16]. Отметим, что идея коллективизации быта в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. охватила широкие массы рабочих и крестьян, получила отражение в решениях и планах государственных органов и общественных организаций. В Сибири в 1929 г. установку на коммуны при строительстве крупных колхозов дал Р.И. Эйхе, председатель крайисполкома Советов, в своих тезисах доклада к IV Сибпартконференции (февраль-март 1929 г.) «О состоянии и задачах строительства колхозов», опубликованных в газете «Советская Сибирь» для широкого обсуждения общественностью. Анализ книги «Колхозы Сибири», в которой впервые освещалась история сибирских колхозов с 1920 по 1929 гг., а также решений IV Сибирской партконференции (1929 г.) позволил М.Д. Северьянову сделать следующий вывод: «...В отношении коммун, в целом колхозного движения к 1929 г., по сравнению с 1920 г., представления изменились. В 1920 г. абсолютное большинство крестьян боялось «коммуны», верило всякому вздору вплоть до слухов о том, что в ней будут общими и дети, и жены. В 1929 г. этого не было, но не было и ясного понимания того, что же такое коммуна как хозяйственное объединение, каков должен быть в ней хозяйственно-бытовой уклад... Поскольку в основе организации коллективных хозяйств лежали морально-нравственные и материальные стимулы, то несомненно, что партийная ориентация на коммуны как на основную форму колхозного движения были одним из главных фактов их организации» [17].

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. перед обществом открывались две возможности: первая предполагала улучшение и совершенствование действующей модели семьи и быта, дополняя ее созданием и усилением государственных учреждений по

их обслуживанию. Вторая же предполагала решительный разрыв с прежним семейно-бытовым укладом и создание принципиально иной семейно-бытовой модели на основе коллективизации, которая соответствовала идеалу устройства быта, намеченному марксизмом и программой РКП(б), принятой на VIII съезде в 1919 г. Можно согласиться с выводом В.И. Исаева в том, что «от того, какая из этих возможностей будет реализована, зависело будущее устройство быта людей в России...» (выделено мной. — Л.А.) [1, с. 18]. В эти годы противоборство здравого смысла и утопического сознания было достаточно серьезным, острым и драматичным. Во многих коммунах обобществлялось все, включая одежду и личные вещи. Коллективизация быта крестьян приняла общегосударственный размах. Поэтому, на наш взгляд, В.И. Исаев недооценивает размах движения по переустройству быта в деревне, утверждая, что «оно охватывало в основном рабочий класс, городское население, получив в деревне значительно меньший отклик» [1, с. 18]. Подчеркнем, для многих сельских коммунистов и активистов идея строительства коммун воспринималась как очередная задача, а сама сплошная коллективизация фактически стала новым переделом собственности, на класс крестьян пошла войной маргинальные слои деревни. В эти годы теория отмирания семьи из безобидной социальной утопии могла стать основой для преобразования в этой области. Строительство социализма, идеи коллективизации быта были благоприятной почвой для подпитки этих иллюзий. Академик С.Я. Вольфсон, социолог и специалист по семье и браку, утверждая, что «социализм несет с собою отмирание семьи» [18], фактически выражал настроение многих социальных инженеров, в том числе и сибирских.

Отмену коллективизации быта в городе дало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке быта» от 16 мая 1930 г., а в деревне — постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г., по которому основной фор-

мой колхозного строительства была признана сельскохозяйственная артель. В ней колхозникам разрешалось иметь личное подворье. Однако на практике организация коммун продолжалась. Так, с сентября 1929 г. по апрель 1930 г. число коммун в Сибири выросло в 3,5 раза и составило 37,5 % всех колхозов, в Кузнецком округе их доля была 80, Каменском — 69,6, Рубцовском — 65,3 % [1, с. 19]. Фактически перелом в коммунизации деревни начался со статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 г., и постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Кампания же по переводу коммун на устав сельхозартелей развернулась после XVII съезда ВКП(б), с весны 1934 г.

На наш взгляд, именно с осуждением коммунизации быта и перевода коммун на уставы сельхозартелей сложилось общее представление о том, какой быть семье и каким быть быту. Основные направления переустройства семьи и быта, которые должны были стать частью строительства «социализма», в обобщенном виде стали выглядеть следующим образом:

- кардинальное повышение уровня жизни;
- передача домашнего труда обществу, его радикальное сокращение за счет механизации;
- создание отрасли общественного хозяйства для обслуживания быта;
- ликвидация хозяйственных функций семьи;
- установление равноправия между мужчиной и женщиной в семье и в обществе в целом;
- общественное воспитание детей;
- возрастание объема и роли свободного времени в развитии личности.

Именно эти проблемы с 30-х гг. XX в. стали ключевыми в историографии семьи и брака, образа жизни и быта, хотя элементы утопии в ней сохранялись до распада Союза ССР.

Литература

1. Анисимова Л.Ю. Эволюция репродуктивной и хозяйственно-бытовой функций русской крестьянской семьи в 1920-е гг. (На примере Приенисейского региона). Красноярск: изд-во КрасГАСА, 2005. С. 38-41.
2. Anisimova L.U., Severyanov M.D. Abortion as a Means of Family Planning in Russia in the First Quarter of the Twentieth Century // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. 2013. Vol. 7. P. 1066-1074.
3. Филлипс Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ. М.: Грааль, 2002. 176 с.
4. Новиков С.Г. Воспитание половой морали советской молодежи: ретроспективный взгляд на дискуссии 1920-х гг. // Историко-педагогический журнал. 2012. № 3. С. 161-171.
5. Коллонтай А.М. Дорога к крылатому Эросу // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 111-124.
6. Коллонтай А.М. Семья в коммунистическом обществе. Одесса, 1919. С. 15.
7. Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 54.
8. Calverton V.F. The bankruptcy of marriage. New York: The Macaulay Company, 1928. P. 249.
9. Halle F. Woman in Soviet Russia. N.Y.: Viking Press, 1935. P. 139.
10. Hindus M. Humanity Uprooted [Электронный ресурс]. N.Y.: Jonathan Cape and Harrison Smith, 1929. URL. <http://www.unz.org/Pub/HindusMaurice-1931-00119?View=PDF> (дата обращения: 18.02.2016).
11. Живов М.С. Глазами иностранцев 1917–1932. М.: Гослитгиздат, 1932. С. 263.
12. Baker R. The Menace Bolshevism. Detroit: Liberty Bell Publishers, 1919. P. 28.
13. Solomon S. The Red War on the Family. Copyright, 1922, by Samuel Solomon, Washington, D.C. Press of // J.J. Little & Ives Company. New York, 1923. P. 80. USA.
14. Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах. М.; СПб.: ГИЗ, 1923. 120 с.
15. Сорокин П. Страницы из русского дневника // Рубеж: альманах соц. исслед. Сыктывкар, 1991. С. 67.
16. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. С. 7-10.
17. Северьянов М.Д. Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск, 1991. С. 137-168.
18. Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929. С. 375.

УДК 340 (09):571.54/55

Жандармерия Забайкальской железной дороги: историко-правовые аспекты

А.В. Вейт

Байкальский государственный университет, ул. Ленина 11, Иркутск, Россия
zashita_chita@mail.ru

Статья поступила 12.09.2016, принята 28.10.2016

Делается глубокий экскурс в историю создания и деятельности жандармских полицейских управлений на российской железной дороге. Большое внимание уделено структуре жандармских участков, их номенклатуре, порядку замещения должностей. Статья имеет краеведческое значение и представляет часть дореволюционной истории Забайкальского края, в частности государственную политику по обеспечению общественной безопасности на железной дороге в историко-правовом аспекте. Основной целью работы является исследование истории органов жандармерии Забайкальского края с момента их организации в конце XIX в. до 1917 г.

Ключевые слова: жандармерия; Отдельный корпус жандармов; Забайкальская железная дорога; Устав железных дорог.